Валерий ЛАТЫНИН

Перо с крыла Икара

Слово переводчика

Со стихами, вернее – с подстрочными переводами стихов ингушской поэтессы Ашат Кодзоевой, представленными известным литературоведом Хавашем Накостоевым, я познакомился несколько лет назад, принимая участие в подготовке к изданию поэтической антологии «Ингушская лира». Мысли и образы в текстах неизвестной мне поэтессы сразу же тронули душу токами сопереживания. Сквозь многие строки просвечивала не высказанная до конца затаённая боль, которая не выставлялась напоказ, но периодически напоминала о себе, как тихий плач во сне, когда человека преследуют беспокойные видения.

Почувствовав искренность переживаний Ашат, я с интересом взялся за художественный перевод большой подборки её стихов, стараясь максимально бережно сохранить интонацию авторского голоса:

…След пожаров дождь не отмывает.
Чёрные клубятся облака.
Ах ты, жизнь, короткая такая,
Не длиннее крыльев мотылька.

Длинный дождь не затихает сутки,
Мокрой пряжей затмевая свет.
Ничего не стоит жизнь, по сути,
Но и ничего дороже нет!
«Хмурый день…»

Драматический подтекст ряда стихотворений подтолкнул меня к поискам информации о биографии поэтессы. Сведения в интернете были весьма скупыми, поскольку Ашат только в 2015 году принята в Союз писателей Ингушетии. Но кое-что, имеющее отношение к беспокойной интонации её поэтического голоса, выяснить удалось.

Будущая поэтесса родилась в 1966 году в селе Тарское Пригородного района под Владикавказом. На этой территории издавна проживало смешанное население – ингуши и осетины. Стихи на родном языке писала со школьной поры. После окончания школы поступила во Владикавказское медицинское училище, где ещё серьёзнее занялась поэзией, читала русскую и мировую классику, выдающихся поэтов Кавказа, писала о своих сокровенных чувствах и переживаниях.

К осени 1992 года, к началу кровопролитного межэтнического конфликта, у неё были написаны несколько общих тетрадей стихов. Все они сгорели в родном доме, подожжённом радикальными экстремистами вместе с другими ингушскими домами в селе Тарское. Лишившись всего имущества, документов, средств к существованию, Ашат с сотнями земляков стала вынужденной беженкой с отчей земли своего рода. Такие душевные раны не рубцуются временем.

Для меня стал понятен исток боли в её поэзии, более того, не могла не вызвать уважения и восхищения сдержанность эмоций, с которой поэтесса писала о пережитой трагедии, не давая чувствам превратиться в селевой поток гнева, разрушающий поэзию. Она нигде не заступила за эту опасную черту, оставаясь чутким художником, несущим людям тепло и свет своей души:

…Взметнулось пламя
близкого пожара,
Дым свет дневной
в предгорье заволок.
А горлица петь песни продолжала
И голос жизни надо мной не смолк.
«Судьба»

Слово к слову – жемчужные бусы.
С солнцем – день, а со звёздами – ночь.
Будем жить без греховной обузы,
Чтоб любовью тоску превозмочь.
«Слово к слову…»

«Всегда устремляться к высокому» – супер-задача, поставленная поэтессой перед собой, не просто продекларированная в стихотворении «Двенадцать цветов», а последовательно и виртуозно воплощаемая ею:

Птичий хор начинает
изгнание дрёмы.
Жемчугами сияет на травах роса.
Спрыгнув с детских кроваток,
весёлые гномы
Убегают до будущей ночи в леса.

В их руках сладкозвучные
дудки зажаты,
А в котомках теснятся
волшебные сны.
Золотистым свеченьем
вершины объяты,
С гор мелодии нового утра слышны.
«Утро»

Сколь щедро рассыпаны жемчуга поэтического таланта в этих строчках, наполненных не только удивительными красками и звуками рождающегося утра, но и богатым авторским воображением, превращающим яркую пейзажную зарисовку в сказочное действо, вызывающее гамму эмоций у чуткого читателя, доставляющее эстетическое удовольствие! Это и является верным признаком наличия истинной поэзии в стихах. Чтобы добиться подобного эффекта, мало быть мастеровитым версификатором, неукоснительно соблюдающим стихотворные размеры, находящим созвучные рифмы, нужно ещё, подобно Пушкину, иметь особое образное видение окружающего мира, чтобы написать, например: «Редеет облаков летучая гряда».

Ашат награждена Всевышним этим особым даром. Почти в каждом её стихотворении есть эти бесценные поэтические находки: «Небо в зеркальца луж смотрит, будто девица»; «Золототканый ковёр листопада / Бросив под ноги спешащим прохожим, / Стынет аллея в осенней прохладе. / Ветви на кружево в небе похожи»; «Тянутся нити с клубка золотого… / Я ж на тебя, как на солнце, смотрю»; «Загорается в сердце священное пламя, / Чтоб поведать, чего в этой жизни хочу»; «…Ани на углях предзакатного света / Золотые лепёшки бессмертья печёт» (Ани – мифологический образ вечности в образе старушки).

Можно ещё долго продолжать цитировать понравившиеся строчки и строфы, они, словно национальный орнамент, органично вплетены в ткань стихов Ашат Кодзоевой. Но поэтесса обладает не только богатым воображением и образным видением. В её стихах чувствуется глубокое знание истории и мифологии, национальных сказок, обычаев, народного фольклора, музыкальной культуры не только Северного Кавказа. Поэтому Ашат одинаково успешно даётся воплощение любой темы от гражданской лирики о драме разрушения СССР:

Империя – корабль без капитана,
Уходишь ты в бескрайний океан!
В пучине лет уже тонули страны,
Вот и тебе такой же жребий дан…
«Империя»

до утончённого проникновения в глубинную суть музыки британского певца Криса Ри:

Звучит гитара и поёт Крис Ри.
Бликует свет и пляшет на обоях.
Тишь за окном, спокойствие внутри.
Пой долго, Крис!
Мы выстоим с тобою!

Как много эти строки говорят о личности автора, о благородстве и целомудрии её души, о глубине пережитой трагедии. Образ Криса Ри не случайно возник в стихотворении. Это не просто популярный исполнитель собственных песен, кумир миллионов поклонников, певец перенёс тяжелейшую онкологическую операцию и нашёл в себе силы вернуться на эстраду, оставшись верным избранному с юных лет призванию. Достойный пример стоицизма, близкий по духу жестоко битой жизнью, но не сломленной Ашат Кодзоевой. Она ведь тоже не смирилась с ударами судьбы, а начала жизнь заново, с чистого листа. Заочно окончила филологический факультет Ингушского государственного университета, работала корреспондентом газеты «Знамя труда», с 2012 года трудится в Национальной библиотеке Республики Ингушетии имени Д.Х. Яндиева. И все годы продолжает писать стихи, создала клуб любителей поэзии при библиотеке. По инициативе директора НБ РИ Радимы Газдиевой издала несколько авторских сборников стихов на родном языке в рамках проекта «Библиотека поэзии».

Оценивая стихи Ашат, известный далеко за пределами республики литературовед Хаваш Накостоев, недавно возглавивший республиканское отделение Союза писателей России, написал: «Так ярко и образно, так искренне и откровенно о человеческой сущности, близкой и понятной ингушскому читателю, на ингушском языке стихи ещё никто не писал».

После личной беседы с Хавашем Алиевичем я ещё больше проникся уважением к самобытному творчеству Ашат Кодзоевой и взялся за новые переводы её стихов для двуязычной книги, вновь и вновь убеждаясь в непохожести её авторской манеры письма ни на чьи другие. Меня не могла не радовать многообразная палитра красок, присущая текстам, пластика мыслей, без резких эмоциональных всплесков, без, казалось бы, неизбежных в её судьбе женских вздохов и сетований по поводу жизненных и бытовых неурядиц, любовных драм. Нет, она не позволяла себе предстать слабой и беззащитной перед вызовами нашего жестокого времени, видимо интуитивно понимая, что без трудностей и препятствий на жизненном пути желаемых целей никогда не достичь. Поэтому так привлекателен герой её стихотворения «Лорс» – Лорс Аджиев, участник Первой мировой войны, воевавший в прославленной Дикой дивизии, не смирившийся с новыми властями и заплативший за это своей жизнью. Редкая тема для женской поэзии. Впрочем, мне думается, в данном случае неуместно квалифицировать поэзию Ашат Кодзоевой, как «женскую», это – поэзия в самом высоком понятии этого слова, поэзия, направленная на поиск красоты, правды, истины, справедливости – опор для души в нашем далёком от совершенства мире.

Сама поэтесса так определила суть своего творчества: «Мои слова сплотились, как друзья, / Перед угрозой внешних катаклизмов». Такая жизненная позиция человека, мастерски владеющего поэтическим словом, не может не вызывать уважения. А ещё Ашат написала в стихотворении «Уходит время…», что нашла когда-то в саду «перо с крыла Икара», это во многом объясняет направленность её творчества, непрестанно устремляющегося к полётам в горние выси. Лети, ингушская горлица, в небо высокой поэзии, лети и пой, не боясь опалить свои крылья!

Андрей ПЕТРОВ

Открытая душа

О книге прозы Валерия Чубара «Солнышко на плече»

Дождь – один из любимых образов Валерия Чубара. Дождь – самый распространенный тип погоды в Ленинграде-Петербурге, в городе, в котором он родился, в котором учился, в котором сделал первые шаги в литературном творчестве:

Вечность, над городом взмыв, летит,
дождь остается за ней, как след.
Вечно про грусть, про дожди стихи
мы сочиняем в семнадцать лет.
В первых стихах отдаём им честь:
хочется вальс танцевать и петь!
Дождь, как и солнце, на свете есть,
грусть, как и радость, умеет греть.

Дождь сопровождает автобиографического героя его первого опубликованного рассказа «Только переночевать» (1983): «Дождь превратился в ливень. За грязными стёклами телефонной будки сплошная серая пелена рушащейся с темнеющего неба холодной воды». Промокший, герой пытается найти ночлег в Ленинграде у друзей и знакомых. Находит его, но сначала переживает несколько отказов – обидных, может, унизительных. Этим рассказом открывается сборник избранной прозы Валерия Чубара «Солнышко на плече» (Архангельск, 2022), вышедший к 60-летию писателя.

С этим рассказом перекликается завершающий книгу рассказ, самый свежий по написанию, «Ночлег» (2021). В нем представлен своеобразный художественный отчет о том, что написано за годы литературной деятельности. И тоже дождь, но теперь не в городе – в походе, ночью, в лесу: «Я лежал неподвижно, слушая, как дождевые капли всё чаще и чаще стучат по тенту палатки. Теперь я не был одинок. Мне было хорошо и спокойно. Я почувствовал, что засыпаю. Но я по-прежнему слышал, как шумит дождь». Автобиографический герой вспоминает о том давнем питерском дожде, описанном в первом рассказе. Упоминаются и другие произведения: «Возвращение», «Бычий хвост», «Конюшня Анны».

Рассказы и повести в новой книге располагаются в строгом хронологическом порядке по дате их написания. Можно проследить преемственность, творческую эволюцию писателя, развитие внутреннего сюжета сборника – а он есть, он развивается.

Валерий Чубар на презентации книги

Важно, что проза Валерия Чубара представляет собой неразрывное единство с его же поэзией. Поэт и прозаик не конфликтуют, они плодотворно взаимодействуют, помогают друг другу. Образ, компактно упакованный в поэтических строчках, получает развитие в прозе, которая созвучна стихотворениям – по настроению, по выразительности, даже по ритмике.

При желании можно отыскать прямые параллели: *«Да синее слово «СТОЛОВАЯ» весь вечер в окно смотрело и буквою «Я» испорченной подмигивало нам»* («Эти стихи написаны в полуподвале на Петроградской…»); «…Что-то подгнило в неоновом механизме. Последняя буква истерично подмигивала: «Столовая-я-я-я-я-я». Казалось, вся пошлость и подлость мира воплотились в этой синей, фамильярно подмигивающей букве. Дело было, конечно, не в ней, но именно глядя на эту подмигивающую мне в осенних сумерках неоновую букву, я понял, что не хочу оставаться в этом мире» («Возвращение»).

Последний рассказ «Ночлег» – подробный, дотошный, это, можно сказать, беллетризованная инструкция для туристов: как выбрать место для ночлега, как поставить палатку, как приготовить ужин в походных условиях. Подробность, детальность привлекает, притягивает, вызывает доверие, располагает к автору. И вообще, довольно часто герои Валерия Чубара действуют, существуют в походных, заведомо некомфортных условиях. В рассказах и повестях воспевается романтика путешествия, романтика преодоления. Что интересного может произойти дома, в четырех стенах?

Питерская студенческая жизнь: книги, литературные споры, философские беседы, влюбленность, дружба, братство – романтика. Актерское служение, студийное братство, богемный образ жизни – безусловно, романтика. Но вот, вроде бы, далекий от романтики тяжкий труд, тяжелые испытания. Или вот мистика, аллегоричность, почти антиутопия. Но всё – через призму романтики.

И, конечно же, лошади, неизменная романтика с ними связанная, однако за ней обыденное, рутинное, неизбежное, самоотверженное – ведь лошади живые, их нужно кормить, за ними нужно ухаживать. А чудеса нужно делать своими руками – самый что ни на есть романтичный подход.

Казалось бы, очень романтично название книги, ласковое, доброе – «Солнышко на плече», что-то трогательное, светлое, оптимистичное. Однако отыщем где-то в середине книги одноименный рассказ – совсем другое ощущение, совсем другое восприятие: за внешней ласковостью горькая ирония что ли, если не что-то более приземленное, жесткое: «У меня не железное сердце, – подумал он. – Не железное. Кровь может течь только из живого сердца, а из железного не может. Но что проку в том, что оно не железное? Весь мир вокруг меня заполонили грубые начала, невесть как весь мир заполонило зло, а я даже и не подумал о том, что надо сопротивляться, оказать сопротивленье этому злу».

С названиями произведений сборника не всё однозначно, порой неожиданно, парадоксально – задумаешься, почему именно так названо, а не иначе. Название – очень важный компонент, в котором выражается авторская позиция.

Это может быть строка из песни: «На маленьком плоту», «Майскими короткими ночами», «Вместе весело шагать», присловье-поговорка: «У кота за ухом черно», цитата из прецедентного текста: «А еще у нас ледяники есть», разговорная реплика: «Привозят, увозят», «Только переночевать», «Расскажи мне сказку», звукоподражание: «Зинь-зивер». Или вот нарочито красивая фраза, может быть, поэтическая строчка: «Неспешным шагом по опавшим листьям» – прочитав рассказ, осознаешь степень ее саркастичности.

Название может просто указывать на место действия: «Башня», «Супермаркет», «Шиес», «Конюшня Анны», но на поверку оказывается, что локатив является не простым указанием, а знаковым символом.

Символом может выступать какая-то, на первый взгляд, незначительная деталь, например, «Шиповник на Тоомпеа», если бы не название, даже, может быть, не обратил бы на эту деталь внимание. Именно название акцентирует, подчеркивает, провоцирует к размышлению: «Я шёл позади и смотрел на Зойку, а ещё я смотрел на серую каменную стену справа и на кусты шиповника, растущие на самой вершине. На кустах уже не было листьев, только ярко-красные точки ягод на чёрных колючих ветках. А на этом участке стены не было больше ничего, только шиповник».

Вот прямое указание на основное событие: «Возвращение», «Последний переход», «Смерть человека», «Ночлег». Указание на человека, героя-героиню, содержащее в себе оценку, характеристику – «Травестюшка», «Боец». Или показательное обращение: «Герр Питер», но ведь это не о человеке, а о городе: «Герр Питер, здесь, где встречались город и море, мне о многом следовало поразмыслить – но этого не произошло. Только мачты запомнились: склоняющиеся надо мною, словно пытающиеся прислушаться к моим мыслям мачты…».

Имя собственное «Бычий хвост», правда, то, что это топоним, узнаешь лишь прочитав рассказ, а до того могут возникнуть определенные ассоциации, которые не пропадут даром, помогут погрузиться в атмосферу описываемого.

Но вот «Сын» – почему сын? Чей сын? Есть ли у главного героя, работника военкомата, прошедшего войну, сын? Может, в каждом призывнике он видит сына? Это название для меня так и осталось интригующей загадкой: «Они мне почудились, – подумал Виктор. – Этот мужчина и его сын. Почудились. Как там Вадимыч сказал? Дымовая завеса в мозгах? Вот. Почудились».

В названии может быть выражено что-то иносказательное, неординарное – «Белая шерстка драконов»: «Ирку хоронили бесснежным ноябрьским утром. Но, когда гроб начал опускаться в яму, выдолбленную в стылой земле, пошёл снег.

Словно белые драконы слетели с небес».

Название часто бывает обманчивым.

Очень оптимистичная детская песня «Вместе весело шагать» имеет самое прямое отношение к названной так повести о подростках, почти детях. Однако вторая часть названия «Мы стоим за гаражами» всё переворачивает с ног на голову, окунает нас совсем в другую действительность – жесткую, жестокую, беспощадную. И само соседство в одном заглавии двух фраз – официально оптимистической и обезоруживающе безысходной – подчеркивает пропасть между ними, лицемерное попустительство, не желающее замечать нелицеприятную изнанку.

В книге пронзительно, предельно откровенно говорится о минувшей войне, разоблачительно-обличительно о войне вообще как преступлении против человечности. Одухотворенная, высокая романтика противопоставлена сомнительной, надуманной романтике определенных социальных групп. Тревожность, неизбежность трагедии, пронизывающие прозу писателя, – это одновременно проявление и романтизма, и рационального взгляда на мир. Будни – простые, обыденные, нередко подспудно являются героическими, правда, самими героями они таковыми не воспринимаются.

И лошади, лошади, много лошадей. Они как люди, нет, лучше людей. В центре внимания писателя их нравы, характеры, причуды. Лошади не безымянные, каждая имеет имя, именно имя – не кличку. Какие-то уже нам известны по стихам, где тоже много лошадиных имен.

Подо мной вороной Мэр.
Надо мной ветер тучи гонит.
Почему я еще не умер?
Потому, что я – конник

Хочется понять, разобраться, почему эти люди так много времени проводят с лошадьми, в конюшне. Им здесь лучше, чем с людьми? Судьбы у них не простые, путанные, но это не важно, они – конники («Конюшня Анны», «Последний переход», «Неспешным шагом по осенним листьям»).

На страницах книги очень много литературных цитат – стихи, проза, отсылки, упоминания, ожидаемые и неожиданные. Вдруг Писахов как спонтанное средство перевоспитания сноба-зануды, заносчивого, невыносимого («А еще у нас ледяники есть»).

Немало в книге повествований от первого лица, и это далеко не всегда отвлеченный рассказчик или ав-

Сергей КОЗЛОВ

Сибирское слово о роде и народе

О сборнике публицистики Анатолия Байбородина

Когда перед вами проза Анатолия Байбородина, первое, что буквально перетекает со страниц книг в сознание и душу читателя, это настоящий художественный русский язык. Исконный и певучий. Ощущение сродни тому, какое испытываешь, открывая книги Михаила Шолохова, Валентина Распутина, Владимира Белова, Владимира Личутина… Именно тот язык, которого так не хватает городским жителям и читателям, потому как на них оказала большое влияние западная культура и литература, и так называемая цивилизация.

Я часто возвращаюсь к сборникам повестей и рассказов Анатолия Байбородина «Озёрное чудо» и «Деревенский бунт», вышедших в издательстве «Вече». Читаю один-два текста, чтобы вернуться потом к ним снова и снова. Это как сделать пару глотков родниковой воды, когда вокруг мутные потоки, похожие на селевые, а то и канализационные. И, что особенно важно, тексты Анатолия Байбородина не поддельные, не вымученные, а естественно присущие ему! Автор плоть от плоти русский сибирский писатель, и сам является носителем этого языка, ему не надо погружаться в пространство и быт своего народа, русского крестьянства, потомков сибирских первопроходцев, он внутри, он сам и есть часть этого фундаментального пласта русской культуры, образно говоря: *река просто течёт*. И невольно радуешься, что просторы нашей родной Сибири дают России такие голоса, таких творцов и хранителей русского слова, как Анатолий Байбородин.

И вот новым открытием для читателей стал сборник публицистики Анатолия Байбородина *«Слово о роде и народе. Взгляд из Сибири»*. Многие из материалов этой книги искушенный читатель встречал на страницах журналов «Наш современник», «Сибирские огни», «Сибирь», на лентах интернет-порталов. Вспоминается «Русский месяцеслов» автора, поражающий своим детальным и глубоко осмысленным знанием народного быта, верований, примет. «Крестьянский мир, коему тысячелетия, запечатленный в русском месяцеслове, суть – народное знание природы, благоговейное ощущение тайн Вселенной и правдивая, духовно не украшенная история крестьянской жизни, что есть – истинная история России в сложном и трагическом сплетении христианского и природно-языческого, суеверного», – говорит о своем труде сам писатель. О том, что Сибирь и русская равнина – это часть прародины человечества, сегодня заговорили ведущие историки на основе современных генетических исследований. И Анатолий Байбородин в своих очерках воссоздаёт детали и образы древней культуры, при этом он сохраняет верность своему языку, к которому читатель привык на страницах его художественной прозы. И публицистика Байбородина в этом случае обретает не только этнографическую и историческую познавательную ценность, но снова и снова превращает даже публицистику в высокохудожественное произведение.

«К сему типичный русский мужик, не зюзя подзаборный, пусть батрак, но не кулак, в отличии от европейского крестьянина, в отличии и от доморощенной образованщины, траченой чужебесием, жил с жаждой святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красы и чистоты; оберегал каждодневным натуральным созидательным трудом – вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затягивающих душу зеленой болотной ряской». Вот такой язык в очерках Байбородина. При этом он не льстивый восхвалитель, ради восхваления, он, скорее, исследователь и защитник, честно и открыто признающий недостатки и грехи соплеменников.

Он никому не доказывает, что Россия – это родина слонов, он просто рассказывает русскому народу и всему миру на настоящем русском языке о самом русском народе и его основе – крестьянстве. Просто вслушайтесь:

«Разумеется, смешно и грешно даже помыслить о темноте и дикости русского крестьянина, что с древнейших лет обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери-сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; чуял предвестия летних гроз и зимних метелей; по небесному лику с рассветами и закатами, по солнцу, луне и звездам провидел погоду и грядущий урожай, и приплод. Из сего благоговейного вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звезд на Млечном пути, придав речениям глубинный иносказательный смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взревновали даже Богом одаренные книжные поэты».

И становится понятно, почему главным героем русских сказок обретался Иванушка-дурачок, беззлобный и открытый миру человек, по словам Байбородина – «предтеча святых юродивых», но и, говоря научно, основа социальной структуры государства Российского.

Отметим, что в своих очерках писатель часто и точно обращается к святоотеческим текстам, цитирует русских и западных философов, писателей, публицистов. Каждый очерк, помимо того, что является отдельным рассказом-размышлением, составляет кирпич к кирпичу общую канву книги «Слово о роде и народе».

Вот, к примеру, как начинается глава «Русский месяцеслов» о народном христианстве русских: «Русский народ, до начала двадцатого столетия на все девяносто процентов крестьянский, в большинстве своем не ведал азы, буки, веди, и Святое Писание знал изустно, долгими зимними вечерами при свете лучины, комелька, жирника либо сальной свечи слушая грамотеев-книгочеев, читающих Библию либо Закон Божий, и по мере духовных сил толкующих святые сочинения. С летами, веками народилось в мужиках и бабах благоговение перед воображаемыми библейскими событиями, а вещие сказители запечатлели их по-русски, словно и случились события в русской земле.

С христианизацией крестьянства народный месяцеслов, в основе которого оставался прежний природно-хозяйственный, обрядовый календарь, выстроился в лад православно-церковному календарю и освятился, изукрасился евангельскими событиями, кои обрели в народной мифологии русскость».

К сожалению, сегодня о русскости говорить, мягко говоря, не принято. Из того самого принципа: как бы кого не обидеть и кабы чего не вышло. Но в итоге вышло, что пылает на всех рубежах империи, да и внутри оставшейся одной седьмой враги час от часу пытаются зажечь. И русских за последние только тридцать лет настолько сделали европейцами, что многие из них, если откроют книгу Анатолия Байбородина, вынуждены будут держать под рукой словарь Даля, дабы понимать, или, как говорят филологи, декодировать текст. Но в том-то и беда, что, скорее всего, лениво отложат в сторону, потому как проще взять какую-нибудь признанную суетливым миром историю да под модным иностранным именем…

«Помню, три дня и три ночи обитал в избенке на Байкале – глухой распадок, зажатый хребтинами,